

Постмодернизм: плюрализм художественно-эстетических принципов

УДК 7.038.6

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-63-70>

Л. Н. Ульянова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
e-mail: lari-2009@live.ru

Р. И. Шуралев

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
e-mail: rshuralev@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы теоретической рефлексии над термином «постмодернизм», авторами представлен широкий круг идей и мнений относительно вопросов постмодернистской арт-практики, обоснованности экспериментов в искусстве. В качестве существенного момента восприятия выделяется игровой характер деятельности эстетического сознания относительно произведений постмодернизма. Обозначены дискуссионные проблемы, определяющие характер постмодернистских произведений, их атрибутивные свойства. Рассматриваются вопросы трансформации Культуры в пост-культуру и преодоления узости понимания терминов «постмодерн» и «постмодернизм». Художественно-эстетические принципы явлений постмодернизма рассматриваются сквозь призму взглядов Ж. Бодрийяра, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, Ж. Деррида, В.В. Бычкова, Ж. Липовецки, М. Фуко, У. Эко. Уровень осмысления процессов пост-культуры и проблем восприятия произведений современного искусства основывается, по мнению авторов, на игровом принципе понимания художественных форм как основополагающем в эстетике постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, плюрализм.

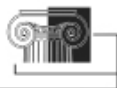
Для цитирования: Ульянова Л.Н., Шуралев Р.И. Постмодернизм: плюрализм художественно-эстетических принципов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 63-70. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-63-70>

УЛЬЯНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, профессор, директор Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

ШУРАЛЕВ РУСЛАН ИЛЬЯСОВИЧ – ассистент кафедры музыкального образования Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

ULYANOVA LARISA NIKOLAEVNA – PhD in Philosophy, Full Professor, Director of the Institute of Arts and Arts Education, the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovykh.

SHURALEV RUSLAN ILYASOVICH – Assistant of the Department of Music Education at the Institute of Arts and Arts Education, the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovykh.

POSTMODERNISM: PLURALISM OF ARTISTIC AND AESTHETIC PRINCIPLES

Larisa N. Ulyanova

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovskiy, Vladimir, Russian Federation
e-mail: lari-2009@live.ru

Ruslan I. Shuralev

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovskiy, Vladimir, Russian Federation
e-mail: rshuralev@list.ru

Abstract: The article examines the issues of theoretical reflection on the term “postmodernism”, the authors present a wide range of ideas and opinions on the issues of postmodern art practice, the validity of experiments in art. The playful nature of the activity of aesthetic consciousness in relation to the works of postmodernism is highlighted as an essential moment of perception. The controversial issues that determine the nature of postmodern works, their attributive properties are indicated. The issues of transformation of Culture into post-culture and overcoming the narrow understanding of the terms “postmodern” and “postmodernism” are considered. The artistic and aesthetic principles of the phenomena of postmodernism are considered through the prism of the views of J. Baudrillard, J.-F. Lyotard, J. Deleuze, J. Derrida, V.V. Bychkova, J. Lipovetsky, M. Foucault, U. Eco. The level of comprehension of the processes of post-culture and the problems of perception of works of contemporary art is based, according to the authors, on the playful principle of understanding art forms as fundamental in the aesthetics of postmodernism.

Keywords: postmodernism, pluralism.

For citation: Ulyanova L.N., Shuralev R. I. Postmodernism: pluralism of artistic and aesthetic principles. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 1 (105), pp. 63-70. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-63-70>

Постмодернизм на сегодняшний день до сих пор не имеет определенного вербального выражения, это понятие все еще расплывчато и достаточно обобщенно, но данный феномен культуры, да и всей истории в целом, достаточно хорошо ощущается современным эстетическим сознанием. Арт-практики сегодня, осознанно или нет, но попадают в течение постмодернистских арт-парадигм, что в большой степени свидетельствует о свободных формах репрезентации произведений современного искусства, использовании неклассических и, даже, *антиэстетических* концепций и компонентов. Использование процессуальных практик в искусстве, создание динамических объектов, акционизм, энвайронмент, утилитарность искусства – все

это мы можем назвать свидетельством новой культурно-исторической фазы, называемой *постмодернизмом*.

Для того чтобы попытаться разобраться или, хотя бы, наметить и поставить вопросы относительно постмодернизма, попытаемся определить и выявить значение понятия *постмодерн*, которое рассматривается в научном дискурсе как *социологическая парадигма*.

Пре-модерновое общество, общество традиционное, классическое основывалось, как правило, на вере в божественное начало, где бог был как доминирующий аргумент, реализовавшийся напрямую или косвенно, через систему богословских обоснований. Все «право» априори было божественным и только потом человеческим, хотя и само «человече-

ское» рассматривалось как необходимость божественной воли. В философии принято считать, что конец классического общества обозначил немецкий философ Ф. Ницше, утвердив «смерть Бога», хотя еще задолго до него божественное начало уже подвергалось сомнению, а Ницше в работе «Веселая наука» лишь трагически засвидетельствовал его «смерть» [9].

Модерн, как пришедшая на смену старой эпохи парадигма, узаконил «право» за человеком и поставил его в центр мировосприятия; все стало человеческим, рациональным, все основывалось на рациональном эксперименте, все стало субъект-объектным. Отрицание Бога и вера в «субъект» и «объект» - явная характеристика модерна. Но, как было и к концу *пре-модернового* общества, в середине XX столетия эти два концепта были взяты под сомнение. Субъект с такими характеристиками, как *воля* и *представление*, объект, вопрос о первичности того или другого в постмодернистской парадигме исчерпывают себя; современные философы утверждают, что субъекта и объекта больше нет. Из вышесказанного вытекает вопрос: что становится на их место? Современное общество находится в так называемой транзигции, транзитивной фазе между модерном и чем-то другим, к чему, в конечном счете, приведет постмодерн. Тем самым, мы выводим, что постмодерн – это фаза перехода, в которой лишь ставятся под сомнение субъект-объектные отношения, но взамен им на данный момент еще ничего не найдено. Возможно, это будет текст, контекст, матрица, виртуальный мир или что-то другое, что формирует на двух сторонах «субъект» и «объект», но предшествует им. Такая парадигма уже принята в современном научном дискурсе и нет ни одной гуманитарной науки, которая бы не имела в себе раздела

о постмодерне. Так и культура, являясь важной компонентой жизни общества, вбирает в себя постмодернистские веяния и охотно применяет их в арт-практиках [11].

Французский философ Ж.-Ф. Лиотар в своей работе «Состояние постмодерна» высказал важный тезис, с которым в последующем будут связывать представление о постмодерне и с которым эти представления связываются до сих пор сегодня. Для него постмодерн – это «исчезновение *метанарративов*», или, по-другому, «больших рассказов», которые представляют собой некие объяснительные формы, определяющие историческое и интеллектуальное движение и развитие. Такими формами могли являться религия, капитализм, марксизм и т.д., но для философии постмодерна это становится неактуальным. Постмодернизм, как связанная компонента в постмодерне, но не тождественная ему так и или иначе тоже высвобождается из-под влияния «великих нарративов»; искусство переходит в стадию «*свободной непричастности*» [6].

Как пишет отечественный философ и специалист в области эстетики В.В. Бычков, постмодернизм понимается как «*наслаждение от игры* во всех сферах бытия и сознания» [3, 415]. Такая игра имеет исключительно эстетические качества. Эстетический опыт, возвращение к которому происходит на ином уровне, без использования классических ракурсов *прекрасного* и *возвышенного*, свободно применяет маргинальные паракатегории, такие как телесность, жестокость, вещь, повседневность, деконструкция и мн. др. Утверждение релятивизма, расшатывание традиционной философско-культурной системы, осознанное симулирование в сферах традиционного философствования, разрушение концепций Культуры, которая сейчас помещается в арт-пространство в совершенно других фор-

мах и значениях, создание из обломков Культуры новых арт-объектов, в конечном итоге, должно доставить реципиенту, включенному в сообщество постмодернистов, *эстетическое наслаждение* [3].

Как заявляет Ж. Деррида, характерной чертой постмодернизма является *текстуальность*, где каждый текст состоит из текстов, знак – из множества других знаков. Ж. Деррида пишет, что «вне текста не существует ничего» [5, 54].

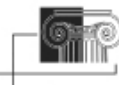
Такие тезисы и понятия, как «смерть автора», принцип «методологического сомнения», симулякр довольно плотно вошли в философию и искусство и активно используются в постмодернистских практиках.

Еще одной характерной особенностью постмодернизма является, по свидетельству Ж. Бодрийера в работе «Общество потребления», «открытие тела», проявление всепроникающей *телесности*. Тело сегодня «принадлежит» человеку, в отличие от традиционного пре-модернового общества, и приобретает функции и качества объекта, которому поклоняются, эротизируют, обнажают и доводят до степени «главного объекта потребления» современного постмодернистского общества [2].

Такое потребление, в конечном счете, приводит к тому, что человек определяет и видит смысл своей жизни в удовлетворении своих потребностей, как низменных физиологических, так и интеллектуальных. Исходя из вышесказанных предположений, французский философ Жиль Липовецки полагает, что главной ценностью современной культуры становится гедонизм, и постмодернизм выглядит как его «демократизация» [7]. Такой процесс не случаен, он является своего рода реакцией на «закат» модернистского авангардного бунтарства, и, как следствие, – господство

наслаждения, стимуляции ощущений, анти-морали и антиинституционализма. По словам Ж. Липовецки, такая гедонистическая пропаганда начинается в 1960-е годы XX века, как раз во время, как принято считать, расцвета постмодернизма. Антикультура, субкультура, контркультура, мода на наркотики, сексуальная свобода, массовое распространение порнографии, «смакование насилия и жестокость в спектаклях» [там же] – результат нынешней постмодернистской «галлюциногенной» культуры, которая всячески демократизирует радикальную тенденцию к поощрению самых низменных наклонностей.

«Революция потребления», сегодня набравшая обороты и широко развернутая в обществе, наконец, практически достигла своей главной цели – высвобождение человека из-под нарративной диктатуры модерна. Человек становится более открытым для восприятия нового, он почти без сопротивления готов менять свой привычный образ жизни, стал «кинетичным» и, вместе с тем, в мире рекламы и вещей индивид утрачивает свою весомость. Выдвинутый М. Фуко тезис о «смерти субъекта», обозначает потерю человеком своей самоидентичности, основанной на фундировании личностной автономии, самосознания и саморефлексии, тем самым индивид как субъект лишается своего привилегированного статуса [10]. Субъект в своем картезианском понимании мог существовать только при наличии «принуждения» и «сопротивления» последнему; культура постмодернизма освобождает человека от сопротивления, тем самым уничтожая самого субъекта. Нарциссическая концепция современного общества, где человек теряет самого себя в погоне за удовольствием и удовлетворением своего собственного Его, в конечном счете, приводит к тому, что он становится

более «пластичным», пассивным и, в тоже время, открытым ко всему, что преподносит ему современная культура.

Первыми «противниками» догматической культуры модерна в 50-60-х годах, как принято считать, становятся представители субкультуры хиппи. Так, по мнению Д. Белла, постмодернизм является логическим продуктом яростного сопротивления пуританству массовой эротическо-порнографической культуры, зачинателями которого становятся пропагандисты свободной любви середины XX столетия [1].

Конечно, это отнюдь не означает исчезновение человечности, моральных принципов и нравов; сосуществование жестокости и толерантности, максимализма и минимализма, появление «столько же сторонников секса, сколько и его противников» [7, 174] говорит о синкретичности и эклектичности постмодернизма сегодня.

Постмодернизм, названный В.В. Бычковым «умудренным опытом «старцем»» [3, 405], вмещает в себя все культуры сразу, затейливо перетасовывает их между собой, ничего не создавая нового, трактует и перефразирует классические образцы искусства, накладывая на них отпечаток поп-арта, массовой культуры и коммерции. Современный исследователь классического «текста», как правило, не останавливается на буквальном, исторически сложившемся понимании; он «деконструирует» его, открывает в нем новые, «иные» смыслы, о которых, возможно, и не догадывался сам его создатель. Такой способ чтения «текста» и философствования Ж. Деррида называет «деконструкцией». Заимствуя у М. Хайдеггера разрушительное понятие *Destruktion*, переосмысляя понимание деструктивности у Ж. Лакана, философ-постмодернист выводит деконструкцию в негативном и позитивном

смыслах. Первый включает в себя разрушение классического пласта традиционного искусства посредством обнищания современной пост-культуры; второй же, напротив, предполагает создание новых, эксклюзивных арт-практик через переработку «старых» образов искусства [4].

Важным местом в концепте деконструкции является цитирование, или, по-другому, интертекстуальность с принципиальной потерей изначально заложенных смыслов. У. Эко пишет, что «сюжет может возродиться под видом цитирования других сюжетов, и ... в этом цитировании будет меньше конформизма, чем в цитируемых сюжетах» [12, 211].

Сам У. Эко полагает, что постмодернизм не является фиксированным хронологическим явлением; мыслитель определяет постмодернизм как некое «духовное состояние», «огонек» которого разжигался в разные эпохи [13]. Сложно не согласиться с мнением ученого, так как начало расцвета постмодернизма регулярно сдвигается на десятилетия назад. Если к концу XX столетия считалось, что новая социокультурная парадигма стала порождением 50-60-х годов, как мы и писали об этом ранее, так как в научных трудах именно эти годы зафиксированы исследователями как эпоха «заката» модерна и «рассвета» новой культуры и философии, то современные научные и околonaучные работы определяют рождение постмодернизма чуть ли не в начале прошлого столетия.

Этот «огонек» постмодернизма в более ранние культурные эпохи, как считает У. Эко, является порождением кризиса этой самой эпохи: истощение литературы, потеря ориентиров в духовных исканиях, гибель устоявшихся принципов философствования, неопределенность векторов развития общества, доходящая вплоть до смакования горечи

по утраченным идеалам, воздвижение упавших идей, разрушительно-прекрасная тяга к развращенности и деструктивным художественным, текстуальным, сексуальным и социальным экспериментам и бунтарству. Попытка сделать анализ таких кризисов, уже встречавшихся истории человечества, приведет нас к многочисленным примерам и находкам в области культуры и искусства: Маркиз де Сад с его сексуально-гедонистской философией в период кризиса Франции во время Великой революции; Шарль Бодлер с его декадентскими воспеваниями уродства, греховного вождения и смерти, и многое другое. Такая принципиальная маргинализация, прошедшая сопротивление со стороны пуританского общества, закалившись в холоде тюремных стен (Жан Жене), к середине XX столетия заявила о себе громогласным криком. Сошлось слишком многое, чтобы постмодерн впитал в себя и, главное, принял этот крик и определил его как принципиально важную особенность и «норму» современной культуры.

Результатом такого «принятия» становится эстетизация ранее почти не признаваемых явлений культуры: телесность, жестокость, эротизм, садизм, мазохизм и т.д. Безусловно, важно влияние фрейдистской и постфрейдистской философии на формирование и оформление подобных категорий в качестве главенствующих понятий пост-культуры. Примерами подобного могут послужить сотни произведений искусства, ставших сегодня уже чуть ли не «классическим» достоянием культуры – это У. Берроуз, Э. Гибер, М. Уэльбек, И. Уэлш в литературе; Ф. Озон, Л. фон Триер, П. Гринуэй, П. Пазолини в кинематографе; М. Пауэл, У. Барлоу в живописи; А. Серрано, Р. Гибсон в инсталляционном искусстве; Элис Купер, Мерилин Мэнсон, Sex Pistols в музыке.

Постмодернизм старается отвечать всем чаяниям современного человека, но существует мнение о том, что он перестал хорошо справляться с этой глобальной задачей. Как отмечает Адриан Сёрл, «постмодернизм мертв, но на его место пришло нечто другое, неизмеримо более странное» [8, 44]. Это мнение поддерживают Робин ван ден Аккер и Тимотеус Вермюлен, называя пришедшую на смену постмодернизма парадигму «метамодернизмом». Такие выводы актуальны для мыслителей XXI века, хотя стоит заметить, что далеко не все придерживаются мысли о «гибели» постмодерна. Отечественный философ А. Дугин полагает, вероятно, в опоре на мнение Ю. Хабермаса в работе «Модерн – незавершенный проект», что модернизм еще не исчерпал себя, и культура только начинает входить в постмодернистскую парадигму, оставляя за собой огромное количество нерешенных вопросов [14].

Еще одну интересную трактовку понятия постмодернизма выводит А. Думитреску, выделяя три основных принципа постмодернизма: «связность (как образ мышления), петлеобразное движение (как принцип определения связей) и закон теории наложения» [8, 48].

Как мы можем заметить, термин «постмодернизм» настолько релятивный, что способы его словесного выражения и определения сильно различны между собой, не говоря уже о том, что постмодернизм до сих пор, спустя более чем полвека, подвергается сомнению относительно способов его существования и актуальности сегодня. Но, не смотря на это, постмодернистские принципы и догмы существуют в культурных пластах современного общества и оказывают сильное влияние на художников, критиков, философов и, непременно, на самого зрителя, реципиента.

Можно предположить, что существование произведений современного искусства

в поле постмодернистских арт-практик возможно исключительно через феномен *игры* как базового концепта современной культуры. Сосуществование в одном произведении проявлений низменных и высоких форм, противопоставляющихся друг другу ценностей и смыслов является, на сегодняшний день, актуальным приемом репрезентации произведения. Не основанные на базисных принципах искусства, не осмысленные через призму семантики и глубинного содержания, не вовлекающие реципиента в ткань художественных образов, идей и символов, арт-объекты сложно подпадают под термин «искусство». Именно наличие в произведении разных текстовых и интертекстовых структур, деконструирующих сам «текст» на основе различных игровых пластов, свидетельствуют о причастности того или иного арт-объекта к сфере искусства.

«Истощение» современной культуры, как полагают исследователи, вовсе не говорит об оскудении художественно-эстетических приемов. Напротив, осмысленное «повторение» классических текстов, их перемешивание, добавление иных, изначально незаложенных смыслов, создание из обломков старой Культуры новых артефактов пост-культуры, как нам кажется, способствует, во-первых, продолжению «жизни» классических форм искусства и их арт-объектов, а во-вторых, обогащению современных произведений в лоне массивного традиционного пласта, что позволяет реципиенту вовлекаться в игру и находить эстетическое наслаждение в движении сознания сквозь ткань грамотно наложенных и интегрированных друг-в-друга «текстов» произведений постмодернизма.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — Москва: Академия, 1999. — 451 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. — Москва: Издательство АСТ, 2020. 320 с.
3. Бычков В. Эстетика: учебник. — Москва: КНОРУС, 2019. 528 с.
4. Деррида Ж. Голос и феномен, и другие работы по теории знака Гуссерля. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. 208 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии. — Москва: Ad Marginem, 2000. 511 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 160 с.
7. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. — Санкт-Петербург: «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2001. 332 с.
8. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма : [по редакции Р. ван ден Аккера]. — Москва: РИПОЛ классик, 2020. 496 с.
9. Ницше Ф. Веселая наука. — Москва: Азбука, 2015. 352 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — Санкт-Петербург: А-cad. 1994. 408 с.
11. Хаустов Д. Лекции по философии постмодерна. — Москва: РИПОЛ классик, 2021. 288 с.
12. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. — Москва, 1989. 468 с.
13. Эко У. Открытое произведение. — Москва: АСТ, 2018. 512 с.
14. Философия постмодерна [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XMHJk4nnDMo> (дата обращения 05.03.2021)

References

1. Bell D. *The coming post-industrial society*. — Moscow: Academy, 1999. 451 p.
2. Baudrillard J. *Consumer society*. — Moscow: AST Publishing House, 2020. 320 p.
3. Bychkov V. *Aesthetics: textbook*. — Moscow: KNORUS, 2019. 528 p.
4. Derrida J. *Voice and phenomenon, and other works on Husserl's sign theory*. — St. Petersburg: Aleteya, 1999. 208 p.

5. Derrida J. *About grammatology*. – Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p.
6. Liotar J.-F. *The state of postmodernity*. – St. Petersburg: Aleteya, 2016. 160 p.
7. Lipovetsky J. *The era of emptiness. An essay on modern individualism*. – St. Petersburg: “VLADIMIR DAL”, 2001. 332 p.
8. *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*: [edited by R. van den Acker]. – Moscow: RIPOLL classic, 2020. 496 p.
9. Nietzsche F. *Fun science*. – Moscow: Azbuka, 2015. 352 p.
10. Foucault M. *Words and things. Archaeology of the Humanities*. – Saint Petersburg: A-cad. 1994. 408 p.
11. Khaustov D. *Lectures on postmodern philosophy*. – Moscow: RIPOLL classic, 2021. 288 p.
12. Eco U. *Notes on the margins of the “Name of the rose” // Eco U. Rose’s name*. – Moscow, 1989. 468 p.
13. Eco U. *An open work*. – Moscow: AST, 2018. 512 p.
14. *Philosophy of postmodernity* [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XMHJk4nnDMo> (accessed 05.03.2021)

Поступила в редакцию 23.02.2022

*